

Мы не делаем ничего особенного, но когда я с Аделем, время летит очень быстро. Я тоже сделала то, что сделал Адель, и теперь держу перо, а он широко улыбается мне.

Он прикусил губу, когда увидел картину, которую я нарисовала картину, в которую вложила своё сердце и душу

Хотя я изо всех сил старалась нарисовать её, его глаза были неровными, губы слишком маленькими, а угловатая челюсть могла похвастаться остротой, способной пробить даже кирпичи. Нос превратился в пирамиду, а ещё я слишком высокого его нарисовала.

В общем, получилось ужасно.

— Он действительно похож на меня

Ты хочешь умереть? Как ЭТО может быть похоже на тебя!

Но я этого не сказала, ведь это было бы оскорблением его.

Адель рассматривал мой рисунок, когда кто-то внезапно постучал в дверь. Адель сказал: "Входите", и горничная открыла дверь и вежливо поклонилась.

— Прошу прощения. Леди Анастасия, Господин хочет поговорить с вами.

Если она имеет в виду Господина этого дома, то это Герцог Фридрих Магнус.

Отец Адель и отец Анастасии - близкие друзья, и эти две семьи давно общаются.

Однако, когда Анастасия смертельно заболела, она начала бороться с Аделем, поэтому Герцог уважал доктора и не искал её, если Анастасия этого не хотела.

Но теперь, так как именно я пришла сюда, у меня не было причин отказываться.

Герцог был очень хорошим человеком. Я с готовностью кивнула.

— Хорошо. Куда мне идти?

— Господин сам придёт сюда, - сказала горничная и удалилась. Я улыбнулась Аделю, который смотрел на меня с некоторым беспокойством.

Через некоторое время в гостиную вошёл Герцог. Я не смогла вовремя остановить

непроизвольное раскрытие своего рта.

Неужели то, на что я смотрю, действительно человек?

Фридрих Магнус был таким красивым человеком, что я задалась вопросом, станет ли Адель таким же, когда он станет старше.

Безумно, потрясающе. Вот почему я люблю людей среднего возраста. Я не могла оторвать глаз от его томного лица.

Его светлые волосы, аккуратно причёсанные, и непревзойдённые ярко-голубые глаза, несомненно, характеризуют его как красивого мужчину.

Вдобавок ко всему, его острых глаз, его взгляда, наполненного уверенностью, близкой к высокомерию, и его стройного телосложения было достаточно, чтобы околдовать меня.

Вау. Прекрасно. Ва-а-а-ах... Я потеряла дар речи... Когда я впервые увидела Аделя, я думала, что больше не испытаю такого шока.

Адель поднялся со своего места.

— Отец.

— Герцог.

Я тоже хотела встать, но Герцог остановил меня взмахом руки.

— Не надо приветствий, так что садитесь.

Герцог сел напротив нас. Он с интересом посмотрел на нас, так как мы сидели близко друг к другу.

Адель кашлянул и сел немного в стороне от меня. Затем он тайком положил мой рисунок в карман. Я же сказала тебе выбросить его!

— Давно не виделись, Анастасия. Мне очень жаль, что мы не могли часто видеться.

Я неохотно перевела взгляд на Герцога. Угх, я заберу его позже.

— Как вы поживаете?

— Ну, у меня ничего не меняется. Я слышал, тебе становится всё хуже и хуже. Но неужели случилось что-то хорошее? Удивительно видеть, как ты улыбаешься с таким бледным лицом.

Голос Герцога был довольно убийственным. Иногда, когда Адель беспокоится обо мне с серьёзным лицом, он говорит тоном, похожим на тон Герцога, что ошеломило меня.

Кроме того, его навыки превосходны, поэтому было легко понять, что он говорит, сразу, даже если он говорил быстро или тихо

— Конечно, хорошее. В конце концов, я с Аделем.

Услышав мой ответ, Герцог уныло рассмеялся.

— Когда мы с Уоллом* впервые попытались свести вас вместе, у тебя было такое выражение лица, будто тебе это не нравится. Я не ожидал того, что ты так с ним поладишь. Недавно я узнал, что Адель чуть ли не живёт у Графа, но... мой сын был добр к тебе?

(*Вероятно, отец Анастасии.)

— Ну конечно. Почему нет?

— Он делал тебе больно?

Я ответила без малейшей колебаний:

— Нет.

— Хм-м.

Герцог внезапно закрыл рот.

Он смотрел на меня и, казалось, что-то обдумывал, а потом повернулся к Аделю.

— Адель, ты не оставишь нас на минутку? Я хочу поговорить с Анастасией наедине.

Я взглянула на Аделя ехидным взглядом.

— Увидимся чуть позже.

— Ладно.

Услышав, как закрылась дверь, Герцог некоторое время молчал. Я была так поглощена своими мыслями, что первым спросила:

— У вас есть какие-нибудь опасения?

Голубые глаза Герцога выглядят такими молодыми.

— Если ты не против, не могла бы ты сказать мне, что ты думаешь об Аделе?

Я ниже Герцога по статусу, но он говорил со мной мягким тоном. Казалось, между нами нет никакой пропасти.

Что я думаю об Аделе? Он - главный герой, мой друг, и...

В этой короткой жизни, которая скорее всего продлится всего два года, он - единственный человек, которому я с лёгкостью открыла своё сердце.

Адель был добр ко мне, хотя я иногда дразнила его как подлого и упрямого человека.

Адель без колебаний тратил своё драгоценное время, когда я попросила его почаще навещать меня.

Но, это всё равно что лить воду в бездонную яму...

Когда он так ласково обращается со мной, я возбуждаюсь, сама того не сознавая.

— Адель - драгоценный человек.

Эти слова вдруг вырвались у меня изо рта.

Герцог коснулся своего подбородка.

— Это немного удивительно. Другие люди всегда говорят, что Адель - хороший и честный человек. Он очень ценный человек.

Конечно, Адель был хорошим. Но для меня Адель был не просто "хорошим человеком".

Он был обыкновенным мальчиком, несколько неуклюжим, довольно наивным, и его легко можно было ложно обвинить.

— Я кое-что тебе скажу, – пробормотал Герцог, словно приняв какое-то решение.

Он расслабился, откинулся на спинку дивана и вытянул ноги. Затем он вздохнул.

— В нём нет человечности. Нет, он много работает. Но из-за этого он становится каким-то странным...

Я понимаю.

Адель иногда бывает злым и упрямым.

Он очень знающий, негибкий, и он милый...

Ах-х, о чём я только думаю?

— Будет только справедливо научить его быть хорошим человеком. Даже дети, которые слишком хорошо учатся, пугают своих родителей.

Я внимательно слушала Герцога. В романе Герцог и его жена с трудом воспитывали Аделя.

Адель был невероятно спокоен.

Он никогда не плакал и не впадал в истерику, даже когда был молод. Это было удобно в течение некоторого времени, но они не могли не беспокоиться, что из-за этого позже может возникнуть какая-то проблема.

В конце концов, он был не совсем нормальным.

Герцог коснулся своего лба, словно ему было очень тяжело.

— Когда со мной была Пенелопа, я был уверен, что смогу хорошо воспитать своего ребёнка методом проб и ошибок. Но, честно говоря, теперь я не уверен в этом. Через два года он достигнет совершеннолетия, но я всё ещё не знаю его.

— Не думаю, что у Аделя есть какие-то большие проблемы.

Мать Аделя, Пенелопа Магнус, умерла три года назад. Примерно в это же время Анастасию

объявили неизлечимой.

Возможно, навязчивый призыв Аделя к надежде был связан со смертью Пенелопы.

Хотя роман не решил проблему, потому что это было в прошлом, Адель был слишком молод, чтобы принять смерть своей матери и неизлечимую болезнь своей подруги Анастасии.

— ...Анастасия. Доброжелательность этого ребёнка - результат обучения, и причина, по которой он так благороден и вежлив со всеми, заключается в том, что я и Пенелопа внедрили это в его голову на уровне промывания мозгов. Я бы предпочёл сделать его хорошим человеком, а не тем, кто причиняет неприятности.

Я была смущена.

— Адель убивал кого-нибудь?

— Я не могу этого отрицать. Раньше, Адель... нет, я лучше сохраню это в секрете.

Герцог внезапно произнёс:

— Причина, по которой я рассказываю тебе всё это, заключается в том, что я обычный отец, который беспокоится о своём ребёнке, но я думаю, что ты должна это знать.

Правда и то, что я чувствовала себя сбитой с толку. Я не ожидала, что Герцог так думает об Аделе.

Почему? Почему так?

Герцог знал Аделя, которого я не знала, и не судил человека напрасно, читая роман. Он никогда не был слабаком.

Он сказал, что слишком хорошо воспитал сына, опасаясь за его будущее.

— Мой сын совершенен даже с объективной точки зрения. Добрый, милосердный, умный. Он похож на меня и поддерживает меня, так что он идеальный человек. Даже если он будет голодать три дня, если перед ним окажется нищий, он без колебаний пожертвует ему свой единственный кусок хлеба. Потому что я научил его этому. Но искусственная безусловная благородная личность не обязательно является благословением. Прошло уже двадцать лет с тех пор, как я занимаюсь политикой, не так ли? Из того, что я видел, этот тип людей попадает в действительно большую аварию, как только что-то щёлкает их переключатель.

— Вот оно как... - пробормотала я.

Герцог загадочно улыбнулся.

— Ну, я же не просто так ношу титул Герцога.

Герцог дал мне время подумать, делая вид, что пьёт чай.

Его голубые глаза резко сверкнули. Я пыталась облечь свой ответ в слова, но всё ещё искала подходящие слова.

Как я могу смириться с тем, что он внушал "доброту" своему сыну из страха, что тот может оказаться психопатом-убийцей?

У меня было смущение, но не было большого дискомфорта.

Во всяком случае, Герцог рассказывал мне эту историю с чистой совестью. Я знала, что Герцог любит меня всем сердцем.

Хотя он был прямолинеен и безжалостен, он давал мне возможность опасаться Аделя.

Герцог Фридрих Магнус был отцом ребёнка, трезвым бизнесменом и политиком. Нет никого, у кого были бы более пронизательные глаза, чем у него.

Я знала, что он делает это не для того, чтобы держать меня подальше от Аделя.

В голове у меня завыл ветер. Нет, я не понимаю.

Как я должна это воспринимать...

<http://tl.rulate.ru/book/50319/1353843>